

СЛОЖНОСТЬ «ГРАНИЦ»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ТЕРМИНОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ¹

Ульрих Петер (а), Троицкий Сергей (б)

(а) Центр V/ORDERS IN MOTION, Европейский Университет Виадрин. PG 213 (Postgebäude), Logenstraße 9-10, D 15230 Frankfurt (Oder), Германия.
E-mail: pulrich[at]europa-uni.de

(б) Институт философии человека РГПУ им. А.И. Герцена. 196047 Россия, Санкт-Петербург, ул. М.Посадская, 26. Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН - Филиала ФНИСЦ РАН. 190005, Россия Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: sergtroy[at]yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется дискурс Пограничных исследований (Border Studies) с точки зрения корпуса основных используемых терминов. Это направление научного знания стало особенно востребовано с конца 1980-х гг. в связи деконструкцией прежних «застывших» границ биполярного мира, и оказались востребованными возможности гуманитаристики по изучению границы как системы. Классифицируя и описывая основные термины, авторы выявляют особенности функционирования русскоязычного и англоязычного пограничного дискурса. Одной из основных задач было найти возможности для адекватного перевода английских терминов для передачи изначального смысла в условиях российской культурной среды и лингвистической онтологии. Поэтому в центр внимания попадают основные объяснительные подходы и исследовательские стратегии изучения границ: Пограничное пространство (Borderscapes), теория рубежных (предельных) комплексов (boundary sets), концепция договора (соглашения), теория фантомных границ, Теория зон культурного отчуждения и пограничья, исследовательская программа «V/ORDERS IN MOTION». В рамках последней выявлены системные характеристики/ свойства “границы”: прочность (Durability), проницаемость (Permeability), лиминальность (Liminality). Важный аспект, приобретающий все большее значение в современном мире – затвердевание границ – подробно разбирается в тексте исследования, как и проблема соотношения границ и порядков. Также выявляются перспективы дальнейших пограничных исследований.

Ключевые слова

Пограничные исследования; терминология и методология; пограничное пространство; рубежные комплексы; концепция договора; теория фантомных границ; теория зон культурного отчуждения и пограничья; V/ORDERS IN MOTION; затвердевание границ; характеристики границ

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-011-00552 А «Проблема идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды»

THE COMPLEXITY OF «BORDERS»: RESEARCH AGENDAS, TERMINOLOGY AND CLASSIFICATION

Peter Ulrich (a), Sergey Troitskiy (b)

(a) Viadrina Center B/ORDERS IN MOTION, PG 213 (Postgebäude), Logenstraße 9-10, D 15230 Frankfurt (Oder), Germany
E-mail: pulrich[at]europa-uni.de

(b) Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia. 26, Malaya Posadskaya str., Saint Petersburg, Russia 196047 / Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute, RAS, Russia). 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, 190005, Russia,
E-mail: sergtroy[at]yandex.ru

Abstract

The article analyzes the Border Studies discourse along central research programs and concepts. The interdisciplinary field of Border Studies became a very important area of scientific knowledge since the end of 1980s. Through dissolution and transformation of previously “stable” (national and system) borders of the bipolar world, new opportunities have come forth for the social sciences and humanities to research borders systematically. By classifying and describing the basic terms and concepts, the authors identify the features of the functioning of the border discourse both in the English- and Russian-speaking scientific communities. One of the major purposes of the paper is to find abilities of authentic translation of the English terms into Russian and transfer the original meaning into the conditions of the Russian cultural environment and linguistic ontology. Therefore, the focus is put on the main explanatory approaches and research strategies for studying borders: the Borderscapes heuristics, the analyzes of a complex border composed by a variety of boundary sets and layers, the sociological approach of arrangements, the historical research program phantom borders, the theory of cultural exclusion and frontier zones as well as the B/ORDERS IN MOTION research program. In the framework of the latter, the system characteristics/ properties of the “border” are revealed, which are durability, permeability, liminality. An important aspect that gradually becomes more significant is the hardening or durabilization of borders - is examined as well as the relation between borders and orders. Finally, prospects and outlook for further evolvement of border studies are outlined.

Keywords

Border Studies; Terminology; Methodology; Borderscapes; Boundary layer; Arrangements; phantom borders; theory of cultural exclusion and frontier zones; B/ORDERS IN MOTION; Solid borders; Border characteristics

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия концепт "граница"¹ ("border") вышел на первый план в различных научных дисциплинах. Не только как простая метафора, но и как аналитический инструмент или эвристическое понимание, "граница" ("border") постепенно стала собственной исследовательской повесткой дня. В этом контексте начиная с 1980-х годов разрабатываются так называемые *Border(land) Studies* (*Пограничные исследования*), изучающие возникновение, функционирование, консолидацию, преобразование и разрушению территориальных, политических, социальных, культурных и исторических границ ("borders"). Данная статья иллюстрирует специфические представления о границах, которые выкристаллизовались в области социокультурных *Border(land) Studies* (*Пограничных исследований*). Кроме того, в статье анализируются основные англоязычные *пограничные* термины для обозначения *границы, предела и фронта*, а также выявляется контекст, в котором эти термины применяются. Наконец, когда речь идет о *B/ORDERS*², границы объясняются во взаимодействии с политическим порядком.

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ ИЗУЧАТЬ ГРАНИЦЫ?

Во времена последовательного ускорения общественных процессов "границы" ("borders") переместились в центр внимания. В этом контексте не только процессы территориально-политической демаркации (*Де-/ Ре- Ограничения* и *Де-/Ре- Территоризации*) национально-государственных границ, но и социальные, культурные или временные демаркации и связи (изучение *пределов (boundaries)*) вызывают интерес. Недавние глобальные события и изменения, такие как деконструкция границ (*de-bordering*) в пользу транснациональности, глобализации и экономической взаимозависимости, с одной стороны, и восстановление границ (*re-*

¹ В статье сопоставляются несколько одновременно функционирующих в науке английских терминов, которые, упрощая, часто можно перевести (что и делается) одним словом «граница». Авторы статьи стремятся указать на смысловые оттенки каждого из терминов, позволяющие обозначать этими терминами различные явления. Для различения этих английских терминов на русский язык мы переводим везде каждый из этих терминов следующим образом: Border - граница, Boundary - предел, рубеж, Frontier - фронтир. Мы вполне отдаем себе отчет в неточности и контекстуальности такого русского перевода, но тем не менее, каждый из переводов в тексте этой статьи мы закрепляем за указанным английским словом без специальных оговорок далее.

² Игра слов Border – граница, Order – порядок, позволяющая сформулировать специфический круг научных интересов исследовательского центра с таким названием в Европейском университете Виадрины (Франкфурт-на-Одере, Германия). Один из авторов статьи является сотрудником этого научного центра.

bordering) как ответ на увеличение миграционных потоков, протекционизм восстановление национального содержания, с другой стороны, свидетельствуют о том, что процессы демаркации повсеместны и тотальны. Чтобы изучать специфические процессы демаркации и объединения, их причины и последствия, в рамках *Пограничных Исследований (Border(land) Studies)* разработаны различные подходы. Кроме того, характеристики границы не являются универсальными, - наоборот, они меняются во времени и пространстве, определяются политической конъюнктурой, экономическими и историческими обстоятельствами, государственным устройством, формой правления, личностью правителя, уровнем экономического и технического оснащения, размерами государства, климатом, особенностями культуры и много чем еще. Вдобавок оказывается, что одно и то же государство в один и тот же момент времени может иметь разные характеристики границ (разные границы) с разными государствами¹. Получается, что граница не может рассматриваться только как «техническое» свойство пространства (территории) государства, но как маркер совокупности контекстов. Именно это значение позволяет видеть в границе самостоятельный объект и предмет исследования. Учитывая множественность аспектов и контекстов, ученый, изучающий границы, вынужден иметь дело с различными исследовательскими практиками и стратегиями, конституирующими и определяющими границу, даже в самом общем виде, по-разному, в зависимости от особенностей научной дисциплины. Зачастую концепты границы не систематизированы, и присутствуют как независимые друг от друга. Таким образом, ученый вынужден иметь дело с концептуальной множественностью границ (множеством образов и представлений о границе), а классификация этого множества – это одна из задач исследования.

ТЕМАТИЗАЦИЯ «ГРАНИЦЫ»: ЭВРИСТИКА, ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ

Разнообразие исследовательских программ и подходов позволяет фиксировать и анализировать границы и демаркационные линии в их разнообразии, многомерности и сложности. Ниже будут кратко

¹ Например, в 1930-е гг. одновременно в СССР «установленные начиная с XVI века границы на западе и колониционный фронт на востоке и юге – радикально отличались друг от друга» (Дюллен, 2019, стр. 55).
Ср. Khodarkovsky, 1992.

представлены лишь некоторые из них. Такие концепции, как *Пограничное пространство (Borderscapes)* (Brambilla, Laine, Scott & Vocchi, 2015; Rajaram & Grundy-Warr, 2007) были разработаны в области социальной и политической географии. Термин *Пограничное пространство (borderscapes)* может быть понят как ландшафт различных видов границ, потому что это сочетание терминов "граница" и "пейзаж". Этот подход обеспечивает описательную перспективу, основанную на постструктуралистских предпосылках сосуществования пограничных измерений, частично перекрывающихся и взаимодействующих образуемых в пограничном ландшафте. В рамках этой исследовательской стратегии на первый план выходит концептуализация границы как фактора, влияющего на субъектные определения. В этом ключе, например, работает время-пространственная география, рассматривающая границы как элемент социо-политического ландшафта. Сам ландшафт определяется здесь как многоуровневое явление (это уровни геологический, биосферный (экологический), физический (физическая география), экономический (созданная физическая структура), и т.д.) объективно существующее для субъекта и определяющего его жизненные стратегии и жизненные траектории. Основываясь на постмодернистском определении власти, а также на представлении о времени как четвертом измерении (общая и специальная теория относительности), исследователи в рамках этого направления определяют науку географию как «изучение борьбы за власть посредством введения феномена и события во время и пространство» (Hägerstrand, 1986, p. 43). Решение Хагестранда ввести в изучение пространства временной параметр позволило сделать объектом (и предметом) изучения географии прагматику событий, социальные изменения, влияние пространственного фактора (ограничение пространства) на изменения поведения и сущности субъекта (Thrift, 2005, p. 337-338). Модель время-географии позволяет преодолеть социальный конструктивизм, рассматривать человека не как пассивного субъекта, а как деятеля со своей жизненной траекторией (пространством-временем), в этом смысле географию по модели Хагестранда можно назвать субъектной (Lundén, 2004; Lundén, 2015). В своей ключевой статье Хагестранд утверждает, что изучение индивидуальных повседневных практик позволяет понять и объяснить более масштабные структуры (паттерны) (Hägerstrand, 1970).

Другой подход заключается в том, чтобы охватить различные виды тематически специфических границ как *пределов (boundaries)* – а именно как рубежных (предельных) комплексов (*boundary sets*) (Haselsberger, 2014). Эти *пределы, рубежи (boundaries)* совпадают с

конкретными “видами границ”, репрезентующими политические, культурные, социальные и экономические аспекты. Эти типы границ взаимосвязаны и составляют глубину национально-государственной границы. Данный подход позволяет определять и описывать степень затвердевания (уплотнения) границ (Дюллен, 2019). Совпадение рубежей на одной линии границы характеризует границу как затвердевшую, а наоборот, смещение этих рубежей позволяет ей быть проницаемой, подвижной и даже фантомной.

К числу неординарных аналитических подходов к пограничным исследованиям относится и концепция *договора (соглашения)* (Schatzki, 2002), которая берет свое начало в культурной социологии и фокусируется на *договоре/распоряжении (устройстве/установлении)*, а также на связи различных типов границ между собой. Договор в этом контексте может относиться к формированию и отношению личностей, артефактов, организмов и вещей (Schatzki, 2002).

Еще одно интересное эвристическое решение – теория *фантомных границ* (Von Hirschhausen, Grandits, Kraft, Müller & Serrier, 2015), описывающая и исследующая устойчивое воздействие исторических национальных границ, которые были перемещены или ликвидированы. Однако они по-прежнему незримо присутствуют из-за исторических национальных различий по разные стороны исчезнувшей границы, – различий, сохраняющих воображаемые демаркационные линии, такие как границы электорального поведения населения, транспортная, энергетическая и тому подобная инфраструктура, и другие феномены. Таким образом, концепция фантомных границ ориентирована на историческое содержание бывших территориально-государственных границ, которые, однако, продолжают оказывать влияние, могут быть восстановлены и стать видимыми в любое время.

Теория *Зон культурного отчуждения и пограничья (ЗКОП)* позволяет рассматривать границы в их внешнем противоречии, исходя из принципа многоуровневости и культурных стереотипов, установок, заложенных в «отрицательной памяти» (маргиналиях культуры, поля умолчания, забвения, вытеснения) (Troitskiy, Begun, Voloshuk, Chertenko, 2014; Troitskiy, 2018; Nikolayeva & Troitskiy, 2018). В соответствии с этой стратегией, вытеснение как механизм формирует и необходимые зоны «чужого», вокруг которого выстраиваются границы, стремящиеся к «затвердеванию» и уплотнению, однако, там, где имагологический аспект отсутствует, границы стремятся к деконструкции и снятию.

Наконец, исследовательская программа «B/ORDERS IN MOTION» Европейского университета Виадрины во Франкфурте (Одер) – это еще один подход к изучению границ в их многомерности, сложности и процессуальности. Исследовательское внимание фокусируется на взаимодействии границ и порядков (установок)¹ и их взаимной динамики (движения), что позволяет объединить различные направления пограничных исследований, в основном территориально-национальные границы (*Borders*) с описанными выше социальными, культурными и временными границами (*Boundaries*) (Schiffauer, Koch, Reckwitz, Schoor & Krämer, 2018, p. 4). Далее мы еще вернемся к этому более подробно, но сначала определим концептуальные различия английских терминов, обозначающих границы, таких как *Border* (границы), *Boundary* (пределы) и *Frontier* (фронтиры).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ BORDER-BOUNDARY-FRONTIER

Для того, чтобы определить термины *Border* (граница), *Boundary* (предел) и *Frontier* (фронтир), необходимо этимологически классифицировать их, уточнить текущее использование терминов в области *Пограничных исследований* (*Border (land) Studies*) и обратиться к дисциплинарным различиям в понимании этих терминов.

Пограничная (border) терминология варьируется в зависимости от языка. В немецком языке есть только один термин ("Grenze"), который этимологически связан со славянским, т. е., среди прочих, с русским словом «Граница» ("Granica") (Schlögel, 2013). Во французском языке существуют различные термины, такие как "marche", "limite", "frontière", "front", которые, как и испанские термины "frontera", "marca" и "limite", больше относятся к территориальным границам (Haselsberger, 2014, p. 508).

Обозначающие границы английские термины *Border* (граница), *Boundary* (предел) и *Frontier* (фронтир), которые мы обсуждаем здесь, различаются этимологически, особенно посмотрим термин *Frontier* (фронтир). *Frontier* (фронтир), как термин происходит из французского. *Frontière* (французский), который в период перехода от Средних веков к Новому времени трансформировался по смыслу в «передовую линию между двумя армиями», был научно осмыслен французским историком Люсьеном Февром (Fèbvre, 1988). По его мнению, *Frontière* сменяет средневековую концепцию *limite*, формируя новоевропейское понимание границы, связанное с

¹ Сравни понятие «границы режима» (Nordman, 2002)

складывающимся феноменом нации-государства. Границы уже не являются простыми транзитными зонами (*limite*), но связаны с появлением национальных государств и военно-политическим укреплением государственных границ (Schiffauer, Koch, Reckwitz, Schoor & Krämer, 2018, p. 6). Фронтир, таким образом, имеет сильный пространственный характер, почти как пороговая (лиминальная) зона, с одной стороны. С другой стороны, речь идет о зоне конфликта, сопротивления и обороны. В связи с тем, что фронтир как термин отсылает нас к историческому государству и власти в пограничных территориях малонаселенных периферийных районов (Haselsberger, 2014, p. 507), он напоминает о чем-то прошлом, потерянном и забытом. Временная, пространственная и социальная периферия находит свое выражение в этом термине. В то же время, однако, он также представляет собой пространство понимания, переговоров и возможных перемен и преобразований. Фронтир, благодаря историческому кластеру *Border studies*, содержит в себе также и указание на процесс становления границ. Несмотря на первоначальное значение «линии фронта»¹, сходное с *лимесом*² и *маршем*³, термин «фронтир» сохранил в себе аспект подвижности, свойственный линии боевых действий, а также приобрел в связи с американской колониальной историей значение «зоны неустойчивого равновесия»

¹ «Можно сказать, что начиная с XIV и вплоть до XVI в. понятие «фронтир» использовалось в основном для обозначения либо преграды нападению, либо линии боевого порядка во время сражения» (Панарина, 2015). Этимологически «фронтир» «восходит к средневековому латинскому *fronteria* и средневековому французскому *frontiere*. Латинское *fronteria* в свою очередь происходит от слов *frons*, *frontis* (лоб, бровь, передняя часть чего-либо). В английском языке слово *frontier* впервые появляется в 1623 г. и определяется в словаре как «границы или отграничения страны (*bounds or limits of the country*)». Таким образом, в европейском понимании фронтир представлял собой границу, противопоставляющую и разделяющую две социальные, политические или культурные протяженности». (Chandler, 1988) перевод по Панарина, 2015).

² Лимес (лат. *Limes* – предел, граница, но *limen* – ворота, порог, но и дом, обитаемое место, а также граница, предел, ср. русское лимит – предел, ограничение). Римский лимес представлял собой полосу укрепленных фортов с небольшими отрядами для защиты внутренней территории страны от проникновения варваров. Известны Нижнегерманский лимес, Верхнегерманско-ретийский лимес, Веттерауский лимес, Неккар-Оденвальдский лимес, Альбский лимес, Лаутертальский лимес, Дунай-Иллер-Рейнский лимес, Дунайский лимес, Вал Адриана, Вал Антонина, Траяновы валы, Арабский лимес, Триполитанский лимес и др. В основу лимеса была положена идея линии фортов, т.е. военных поселений – гарнизонов, реде фортификационных валов, как, например, Вал Адриана в Британии (См. http://www.eternalfrontier.org/?page_id=6).

³ Марш, или Марка (англ. *March*), т.е. метка, знак - другой термин для обозначения пограничной территории, в русском языке инерционно присутствует как демаркация – проведение этой границы между странами или территориями. Как и «фронтир», «марш (марк(a))» имел ярко выраженный военный характер. Вместе с тем, термин «марш (марк(a))» имел в европейских языках асоциальный оттенок, поскольку также обозначал территорию, управляемую маркизом, который в силу своего пограничного состояния, как правило, обращал мало внимания на власть короля. Термин «фронтир» вытеснил термин «марш», именно этот асоциальный характер пограничья продолжал превалировать в определении этой пограничной территории и был включен в комплекс значений «фронтира».

(Замятина, 1988), «зоны освоения» (Замятина, 1988), «процесса встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» (Turner, 1921), «точки встречи дикости и цивилизации» (Turner, 1921), определенности и неопределенности. Еще одним важным аспектом значения термина «фронтир» является фасадность (витринность). Уже в изначальном толковании его как передний край, нашедшем отражение в распространенном английском выражении «in front of», присутствует аспект фасадности. В трактовке фронта Тернером как «встречи варварства и цивилизации» заложена демонстрация достоинств цивилизации. В этом смысле граница (фронтир) является витриной цивилизации, особенно это отражается при столкновении в случае, когда граница пролегает между двумя политическими парадигмами (порядками) (Дюллен, 2019, стр. 8-9), где важно продемонстрировать соседу-потенциальному противнику достоинства политической системы. Можно назвать слепком фронта в этих условиях, например, стенды (павильоны) международных выставок, а работу представителей государства на выставке – сравнить с пограничной службой. В этом аспекте закономерно и приписывание важности пограничной (фронтирной) территории, как зоны, где «политическая деятельность сопоставима со столичной» (Vallaux, 1911), «организованные силы государств достигают высшей степени напряжения» (Vallaux, 1911).

В то время как концепт «фронтир» (*Frontier*) отсылает к зональности, толкование границы (*Border*) основана больше на линейном понимании. Несмотря на то, что граница (*Border*) обычно воспринимается как пространственное понятие, этот термин относится к правовой линии (в пространстве), которая разделяет (или связывает) различные правовые системы, нации, культуры и т.д. (Haselsberger, 2014, p. 509). Таким образом, граница (*Border*) представляет собой линейное пространственное понимание границы, которое в первую очередь охватывает политические, территориальные и национально-государственные демаркации в прошлом и настоящем.

Предел (*Boundary*), наоборот, отсылает нас к специфическому типу границ, типа культурная, экономическая, социальная, религиозная или политическая граница (демаркационный процесс) (Haselsberger, 2014, p. 509). По сравнению с границей (*Border*) или фронтир (*Frontier*), предел (*Boundary*), может восприниматься и как пространственное и как не пространственное понятие¹, «как освоение разрыва между примыкающими зонами, как трудное, являющееся

¹ О различении *Boundary* и *Frontier* см. Sahlins, 1989, p. 4-9.

предметом переговоров создание отличия, которое со временем превращается в систему» (Дюллен, 2019, стр. 18). Хасельсбергер определяет, например, *рубежный (предельный) комплекс (boundary set)* как состоящий из различных типов границ, которые определяют плотность и долговечность национальных границ. Таким образом, в зависимости от существования и активности геополитических, социокультурных, экономических и биофизических пределов, граница может рассматриваться как все более непроходимая (Haselsberger, 2014). По мнению Хасельсбергера, *пределы (boundaries)* являются, таким образом, пространственными тематическими разделительными линиями, которые делают национальные границы релевантными и эффективными. Но помимо пространственного понимания *пределов (boundaries)* границ существует также социокультурное толкование, которое не привязано к пространству. Примерами могут служить пределы (границы) между группами, отдельными лицами и сообществами (Lamont & Molnar, 2002; Barth 1969). В этом отношении *пределы (Boundaries)* возникают между временами, группами и пространствами и имеют вполне социальное и культурное измерение.

От понимания того, что такое граница, как ее анализировать и какую терминологию использовать – граница, фронтир или предел – напрямую зависит точность результатов и аналитические перспективы. В социальных и культурных направлениях Пограничных исследований представленные терминология и семантика взаимосогласуются и взаимозависят. В других направлениях значения терминов могут различаться и даже контрастировать.

ХАРАКТЕРИСТИКА/ СВОЙСТВО «ГРАНИЦЫ»: ПРОЧНОСТЬ (DURABILITY), ПРОНИЦАЕМОСТЬ (PERMEABILITY), ЛИМИНАЛЬНОСТЬ (LIMINALITY)

Помимо терминологического различия границ в английском языке, их природа и состояние также позволяют создать системную классификацию границ. В этом контексте различие между *прочностью (Durability)*, *проницаемостью (Permeability)* и *лиминальностью (Liminality)* границ может быть использовано в качестве основания исследовательской стратегии, как это делает Центр В/ORDERS IN MOTION Европейского Университета Виадрины (Schiffauer, Koch, Reckwitz, Schoor & Krämer, 2018).

Прочность (Durability) связана со свойством пределов демонтироваться-возобновляться (Schiffauer, Koch, Reckwitz, Schoor & Krämer, 2018, p. 18) и описывает твердые, непроницаемые и "толстые"

границы. Границы здесь понимаются как прочные, жесткие и устойчивые, но их можно в любой момент снять и воссоздать.

Проницаемость (Permeability) описывает состояние пористости и поэтому интересна в отношении выбора объектов и субъектов, которые могут или позволяют пересекать границу. Здесь возникают следующие важные вопросы: как происходит тонкая настройка границ? Какие люди, объекты и информация пересекают границу, а какие нет? Как принимаются решения о выборе людей, объектов и информации для пересечения границы, а почему кому-то в этом будет отказано? Как осуществляется "патрулирование" границы – и как некоторые попытки регулирования порождают формы инфильтрации (Schiffauer, Koch, Reckwitz, Schoor & Krämer, 2018, p. 19)? Таким образом, с проницаемыми, а потому пористыми, границами, всегда необходимо задаваться вопросом, почему вдруг для одних объектов и предметов эта граница становится проницаемой, а для других – нет.

Лиминальность (Liminality) как третья характеристика/свойство природы границ относится к границам как к переходам, третьим пространствам, промежуткам или серым зонам, которые также могут иметь социальный, пространственный или временной смысл. Здесь старые учреждения еще могут переходить к новому состоянию, а старая система трансформироваться. Лиминальные пределы могут содержать, например, анализ пространства отчуждения, т. е. социального вытесненного пространства, начинающегося с временных договоренностей, а затем затвердевающего (*'provisoires qui dures'*), анализ обращения с "пустотами" (*'voids'*), т. е. с пробелами в нормативно-ориентированном действии, а также восстановление гибридизаций в межпространственных культурах (Schiffauer, Koch, Reckwitz, Schoor & Krämer, 2018, p. 20).

ТЕОРИЯ ЗОН КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И ПОГРАНИЧЬЯ О ГРАНИЦАХ

Переосмысление идеи пространства, произведенное теорией относительности, оказал влияние и на представление о границах. Смена оптики на более чувствительную позволяет увидеть границы более размытыми как поля или зоны перехода состояний. При этом, более чувствительная оптика позволяет работать с микро- и нано-уровнями, но несколько не отменяет макроуровень. Другими словами, исследуя процессы на каком-то из уровней, необходимо иметь в виду и процессы на остальных уровнях, даже при их видимой противоположности. В отношении социальных единиц смена оптики приводит к пониманию различий между, например, объектным и

субъектным (ментальным) уровнями культуры (объектная и субъектная культурология), установки, стереотипы, механизмы формирования и функционирования которых различаются между собой. Из этого исходит теория Зон культурного отчуждения и пограничья (ЗКОП), рассматривающая границы как герметичный и цельный объект, но для исследователя демонстрирующий различия на разных уровнях. Для теории ЗКОП ключевую роль играет изучение процессов забвения, умолчания, вытеснения из активной культурной памяти на периферии. Результатом этих процессов становятся Зоны культурного отчуждения, элементы (персоналии, события, установки, стереотипы) которых могут быть в любой момент реактуализованы¹ и снова активно использоваться. Однако пока эти элементы находятся не в доминантном состоянии, а в угнетенном (забытом), находятся на периферии культуры, тем не менее, знание их субъектом, способность реактуализировать эти элементы служит маркером его принадлежности к социальному целому, вытеснившему их. Иначе говоря, теорию ЗКОП интересует «отрицательная память», периферия и маргиналии культуры. Оптика ЗКОП позволяет исследовать не столько явные культурные установки и стереотипы, являющиеся причинами конкретных культурных практик, сколько скрытые, вытесненные установки и стереотипы (предрассудки), о которых никто не только не говорит, но не «помнит». Однако именно они определяют социальные, политические, экономические, культурные особенности группы (социального организма), поведения как группы в целом, так и отдельных ее членов. Построение своего пространства (мира, космоса) является важным проявлением этого социального праксиса, определяющегося «зонами культурного отчуждения и пограничья». Вытесненные культурные пространства, «забытые» элементы культурной памяти будут оставаться отрицательным центром (антицентром), вокруг которого будет строиться социальная практика, главной задачей которой станет отгораживание, отграничивание, отстройка от вытесненного, поиск отличий от вытесненного. Тогда граница демонстрирует свою многоуровневость: на макроуровне – это отстраивание, самооцензурирование, установление явной и четкой границы, различение; на микроуровне граница становится необходимой зоной транзита, деконструкции, зоной тождества.

¹ О реактуализации в контексте актуализации и деактуализации см. подробнее в: Troitskiy, 2018; Brodsky, 2018; Malinov, 2018; Ovchinnikova, 2018; Troitskaya, 2018.

ПРОБЛЕМА «ЗАТВЕРДЕВАНИЯ» (УПЛОТНЕНИЯ) ГРАНИЦ

Современные политические, экономические, культурные реалии демонстрируют не только возможность снятия и демонтажа границ, но и противоположные процессы, - захлопывание, затвердевание границ. Так ли однозначно культурные общности стремятся к раскрытию? Как показывает опыт, налицо как глобализационные процессы, так и глокализационные, современный мир находится между этими крайностями. Несмотря на завершение с Первой мировой войной проекта национального романтизма в культуре и политике, меркантилизма – в экономике, мы имеем дело с постоянным возвращением к установкам изоляционистских практик. Стимулируемый привычными страхами и стереотипами, на которых держался национальный романтизм (эмигранты, «желтая угроза», бегство элиты и пр.), национальный популизм как политический проект получает большую поддержку у населения. Таким образом проблема «затвердевания» границ является для специалистов одной из приоритетных, позволяющих раскрыть механизмы этого процесса, причины его.

В процессе «затвердевания» (уплотнения) границ можно отметить несколько факторов, которые влияют на него, являясь своего рода и маркерами этого процесса (наличие хотя бы одного из них свидетельствует о возможном «затвердевании»): декларация границы как границы «ценностей» (Европа в период Средневековья и Нового времени, религиозных конфликтов; Франция после французской революции – война со старыми монархиями; оба лагеря в ходе Холодной войны; и т.п.); тотальный контроль государства над всем, что внутри (монополия на власть), политика запретов («запрещено, что не разрешено»), касающаяся передвижения товаров и людей через границу; тотальный контроль, особенно за передвижением; экспансивная внешняя политика.

Сам процесс затвердевания границы можно свести к трем этапам. В процессе активной экспансии, колонизации и т.п. в отношении соседних территорий, когда некая территория между захватчиком и захватываемым становится фронтальной, затем в результате освоения этой зоны, присоединения ее, оснащения ее инфраструктурой (культурной, технической, экономической, политической), она становится приграничной¹, а уже потом линия-граница фиксируется

¹ Часлав Копривица фиксирует различия между приграничной и пограничной территорией. В отличие от «пограничья», как общей территории, фильтра, обладающего чертами обеих сторон, «приграничье» закрыто, стремится всячески отстроиться от другой стороны. Для «пограничья»

(затвердевает) по внешней линии предела этой зоны, выступая также и как линия возможного фронта. При этом приграничный статус территории сохраняется, особенно это справедливо в отношении государства, сохраняющего свою враждебность к стране (странам), находящейся(имся) по ту сторону границы (Копривица, 2019). Отсюда и психологическая напряженность, свойственная жителям этих территорий. «Приграничником человека делает само проживание в области соприкосновения двух культурных, территориальных, друг с другом враждующих инаковостей, что создает особое качество коллективного существования, главной чертой которой является *повышенное чувство временности* – прежде всего временности мира, потому что война на такой границе, в принципе, независимо от эвентуальных, текущих, вступивших в силу контрактов и соглашений, может вспыхнуть, вернее, возобновиться, в любое время» (Копривица, 2019).

Одновременно с этим проявляются несколько аспектов, являющихся достаточно токсичными для культуры и социальных практик. Во-первых, как бы не уплотняло государство свои границы, все равно остается возможность их нарушить, отсюда закономерная неуверенность в плотности границ у центра, а значит, проявляется подозрительность (каждый – потенциальный враг, внутренний или внешний) на уровне государственной политики и, как следствие, происходит расширение буферной (приграничной) зоны со свойственным ей чрезвычайным режимом управления даже до территории всей страны.

Затвердевание границ, как правило, сопровождается возведением технических преград для пересечения этой линии (забор, линии ограждений, оборонительные линии, стены, пограничные просеки или полосы очистки, и т.п.). Такая принудительная по отношению к биологическому пространству демаркация перестраивает не только жизнь проживающих там людей, но и всю экосистему, которая даже при демонтаже границ и технических преград сохраняется в том виде, как если бы демонтаж не проводился. В этом смысле демонтированная затвердевшая граница сохраняется как фантомная не только у людей, но и у животных (Rohwedder, 2009; Немцев, 2014).

линия границы не является определяющей, а для «приграничья» – именно она диктует способ мировосприятия и бытия. (Копривица, 2019; Копривица, 2014).

V/ORDERS: О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАНИЦ (BORDERS) И ПОРЯДКОВ (ORDERS)

Границы являются многомерными и сложными (Gerst, Klessmann, Krämer, Sienknecht & Ulrich, 2018). Они представляют собой не только «одномерные разделительные линии» (Gerst, Klessmann, Krämer, Sienknecht & Ulrich, 2018, p. 65), но они также являются «многогранными, многоуровневыми и междисциплинарными институтами и процессами, разрезающими пространства не только административно и геополитически, но и культурно, экономически и социально» (Haselsberger, 2014, p. 505). Они могут трактоваться в терминах организации, как институт, как режим, как функция или процесс. Границы, кроме того, создают порядки, а новые порядки создают границы. Ниже будет кратко изложено взаимодействие границ и порядков. Другими словами, будет исследоваться взаимосвязь между границами и соответствующими группами, образованиями или смысловыми категориями, которые разделяют посредством практики установления границ. Мы только коснемся основных отношений между границами и порядками, в более общем виде – отношений между границами (borders) и пограничьем (borderlands). Это отношение уже сейчас представляет ключевой интерес для пограничных исследований, но продолжение исследований этой проблемы необходимо. Для анализа взаимодействия *границ (borders)* и *порядков (orders)* должны быть очерчены четыре перспективы, которые взяты из статьи о сложных границах (Bossong, Gerst, Kerber, Klessmann, Krämer, Ulrich, 2017).

Особенно в современном контексте сложных границ следует скептически относиться к кажущейся логичной или очевидной диалектике устройства границы и учреждения порядка. Это касается классического аргумента о важности жестких территориальных границ для становления современного государства или формирования идентичности и социального вытеснения посредством перекрытия социальных или культурных границ.

В целом, как было показано выше, границы не могут рассматриваться как одномерные или особенные. Помимо внутренней дифференциации границ, о которой уже говорилось, они отграничивают *по крайней мере* два, а скорее несколько, порядков «внутри» и «снаружи». Таким образом, границы – это место, где несколько порядков подвергаются сомнению, обсуждению, переформулированию, посредством чего, становятся более четко наблюдаемыми.

Во-первых, для дальнейшего выявления этого главного аргумента можно выделить ряд возможных аналитических связей между границами и порядками. Начиная с самого фундаментального логического уровня, границы рассматриваются как качественно внутренне переплетенные с порядками. Границы можно интерпретировать как результат различий и определений. Эти определения зависят, или просто являются, границами и процессами отграничения. Построить идентичность субъекта или объекта, или быть чем-то в значимом смысле – это отличить его от кого-то или чего-то. Когда речь идет о формировании социальной идентичности, такие процессы обычно описываются как «отчуждение», или классическая диалектика Я и Другого.

Во-вторых, наши размышления, отталкивающиеся от границ, ведут нас в направлении чувствительности к множественности порядков. Как уже упоминалось, ограниченность границ может включать в себя порядки «обрядов перехода» (Turner 1969) или «третьих пространств» (Bhabha 1994; Soja 1996), играющих решающую роль в современной социальной теории: третьи пространства являются местами, где значения – исходящие из разных социальных миров – и, следовательно, идентичности предстают избирательно и стратегически согласованными и адаптированными. В случае приграничных регионов эти третьи пространства могут быть местами и пространствами гибридных идентичностей, таких как различные этнические группы, культуры, национальности и пол.

В-третьих, в отличие от этого акцента на идентичность и определенность, границы можно также понимать, как выражение более количественных различий между порядками, регионами или союзами. В этом смысле граница не обязательно определяет фундаментальные характеристики. Вместо этого она зависит от соответствующих маркеров концентрации и рассеивания, которые могут применяться по обе стороны границы. Типичный подход заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на относительном распределении богатства или, в более общем плане, на определении линий или порогов для определения членства в том или ином конкретном множестве, например, на определении черты бедности.

В-четвертых, другая аналитическая перспектива рассматривает границы как особую манифестацию или аналитическую линзу для заметно более широких порядков (учреждений). Это означает, что границы не только обозначают дихотомии внутреннее/внешнее или Я/Другой, но скорее, должны рассматриваться как индикаторы и манифестации всеобъемлющих структур и процессов

дифференциации. Например, системы классификации, такие как таксономии для ботаников и биологов (Bowker & Star, 1999), могут быть названы логическими надстройками. Они подразумевают всеобъемлющую логику дифференциации, которая диктует выработку или расположение конкретной границы между двумя видами. Аналогичным образом, социально-политические системы смысла имеют основополагающее значение для обществ, поскольку они ассимилируют установление и устранение границ между, например, социально-экономическими классами, этническими группами или гендерными либо возрастными когортами (Lamont & Molnar, 2002). Выдвигая эту линию анализа в более явное политическое русло, можно утверждать, что либеральный капитализм представляет собой глобальный порядок с чрезвычайно широкими последствиями для неравенства. Современный пограничный контроль, который строится на передовых технологиях и сборе данных для исключения 'нежелательных' лиц и товаров из транснациональных экономических потоков, был бы уместным, но далеко не единственным проявлением этого глобального неравенства.

ПЕРСПЕКТИВЫ

С учетом все более ускоряющихся социальных, социетальных и политических изменений все большее внимание уделяется границам. Поэтому социальный и культурный анализ границ является не только значимым, но и необходимым, так как он дает возможность предвидеть и решать будущие глобальные проблемы. Цель работы – наметить некоторые исследовательские программы и методологию в области культурологии и социологии пограничных исследований (*Border(land) Studies*), уточнить терминологию границы на английском языке для *Border*, *Boundary* и *Frontier*, а также указать на различные возможности классификации границ. Прежде всего, это обеспечивает корректное применение и удобство для собственного использования для построения англоязычных концепций границы, которые часто используют в литературе одни термины, но с различными значениями. Однако мы хотели бы еще раз отослать читателя к дисциплинарным особенностям значений, например, *Границы (Border)*, *Предела (Boundary)* и *Фронтюра (Frontier)*. Поскольку *пограничные исследования (Border(land) Studies)* носят в основном междисциплинарный характер и, потому включают также различные области анализа социальных и культурных наук, эта терминология может быть использована и здесь. Другими вопросами, касающимися границ, являются, например, методология, т. е. идеи,

практика и стратегии применения конкретных методов определения и измерения границ и процессов демаркации.

Список литературы

- Barth, F. (1969). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Waveland Press
- Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge. (на русск.яз. отрывки опубл. в: Бхабха, Х. (2005). Местонахождение культуры. *Перекрестки*, (3-4), 161-192)
- Bossong, R., Gerst, D., Kerber, I., Klessmann, M., Krämer, H. & Ulrich, P. (2017). Complex Borders: Analytical problems and heuristics. In: Opilowska, E., Kurcz, Z., Roose, J. (ed.): *Advances in European Borderlands Studies*. Baden Baden: Nomos (pp. 65 – 84).
- Bowker, G. C. & Star, S. L. (1999). *Sorting Things Out. Classification and Its Consequences*. Cambridge/London: MIT Press.
- Brambilla, C., Laine, J., Scott, J.W. & Bocchi, G. (2015). *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*. Ashgate.
- Brodsky, A. (2018). Logic Lessons for Russia. The second scholasticism in Russia and Ukraine. *Rivista di Estetica*, 1 (67), 20–32.
- Chandler, A. (1988). *Comparing Frontiers: A Scout Report*. Magazine. Retrieved from <http://www.arthurchandler.com/comparing-frontiers>
- Fèbvre, L. (1988). «Frontière» — Wort und Bedeutung. In: *Das Gewissen des Historikers*. Berlin: Klaus Wagenbach (pp. 27–38).
- Gerst, D., Klessmann, M., Krämer, H., Sienknecht, M. & Ulrich, P. (2018). Komplexe Grenzen. Aktuelle Perspektiven der Grenzforschung. *Berliner Debatte Initial*, 1 (18), 3-11.
- Hägerstrand, T. (1970). What about people in regional science? *Papers of the Regional Science Association*, 24 (1), 6–21.
- Hägerstrand, T. (1986). Om geografins kärnområde. *Svensk Geografisk Årsbok*, 62, 38- 43.
- Haselsberger, B. (2014): Decoding borders. Appreciating border impacts on space and people. *Planning Theory & Practice*, 15 (4), 505-526.
- Von Hirschhausen, B., Grandits, H., Kraft, C., Müller, D. & Serrier, T. (2015). *Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken*. Göttingen: Wallstein.
- Khodarkovsky, M. (1992). From Frontier to Empire: the Concept of the Frontier in Russia, 16th – 18th Centuries. *Russian History. The Frontier in Russian History*, 1–4 (19), 115–128.
- Lamont, M. & Molnar, V. (2002). The Study of Boundaries across the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, 28, 167-195.

- Lundén T. (2004). *On the boundary: about humans at the end of territory*. Huddinge: Södertörns högskola.
- Lundén, T. (2015): Society, proximity and education on the border. In: *Crossings and Crosses*. Walter de Gruyter. (pp. 171-190).
- Malinov, A. (2018). Discourse of Nature in Gregory Skovoroda's Teaching. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 33-48.
- Nikolayeva, Zh. & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 3-19.
- Nordman, D. (2002). La Frontière, In: *Dictionnaire critique de la République*. Paris: Flammarion. (pp. 499–504).
- Ovchinnikova, E. (2018). Ethics and Ideology in Russian Culture during the 18th and 19th centuries. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 49-68.
- Rajaram, P. K. & Grundy-Warr, C. (2007). *Borderscapes: Hidden Geographies and Politics at Territory's Edge*. University of Minnesota Press.
- Rohwedder, C. (2009, November 4). *Deep in the Forest, Bambi Remains the Cold War's Last Prisoner*. Retrieved from The Wall Street Journal <https://www.wsj.com/articles/SB125729481234926717>
- Sahlins, P. (1989). *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: University of California Press.
- Schatzki, T. (2002). *The Site of the Social. A Philosophical Exploration of the Constitution of Social Life and Change*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Schiffauer, W., Koch, J., Reckwitz, A., Schoor, K. & Krämer, H. (2018). *Borders in Motion: Durabilität, Permeabilität, Liminalität*. Working Paper Series B/ORDERS IN MOTION Nr. 1. Frankfurt (Oder): Viadrina. doi: 10.11584/B-ORDERS.1
- Schlögel, K. (2013). *Grenzland Europas. Unterwegs auf einem neuen Kontinent*. München: Carl Hanser Verlag.
- Soja, E. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell.
- Thrift Nigel J. (2005). Torsten Hägerstrand and social theory. *Progress in Human Geography*. June, 29 (3), 337–340.
- Troitskaya, A. (2018). Actualization and Deactualization in Art Studies. The Experience of the Institute of Art History. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 117-135.
- Troitskiy, S., Begun, B., Voloshuk, E. & Chertenko, A. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In: *Modern Studies of Russian Society*. Helsinki: Unigrafia. (pp. 79-94).

- Troitskiy, S. (2018). The Problem of Terminological Precision in Studies on Cultural Exclusion Zones. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 165-180.
- Turner, F. J. (1921): *The Frontier In American History*, New York. (на русск.яз. опубл. в: Тёрнер Ф.Дж. (2009). *Фронтир в американской истории*. М.: Весь мир.
- Turner, V. W. (1969): *The Ritual Process: structure and anti-structure*. Harmondsworth / Middlesex: Penguin. (на русск.яз. опубл. в: Тэрнер В. (1983) Ритуальный процесс. Структура и антиструктура. В Тэрнер В. *Символ и ритуал* (В.А. Бейлиса пер). М.: Наука. (стр. 104-264))
- Vallaux, C. (1911). *Géographie sociale. Le sol et l'État*. Paris: O. Doin.
- Дюллен, С. (2019): *Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920–1940-е*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Замятина, Н. Ю. (1988): Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, (5), 75-89.
- Копривица, Ч. Д. (2014): Његош као мислилац српске ситуације и српског идентитета [Његош как мыслитель сербской ситуации и сербской идентичности; на сербском]. В Миро Вуксановић (ред.), *Његошев зборник Матице српске 2, Споменица о двестогодишњици Његошевог рођења*. Нови Сад. (стр. 324-352)
- Копривица, Ч. (2019): Синдром идентичности глубокого приграничья. Приложения к пониманию Краины. *Журнал Фронтирных исследований*, (4.2)
- Панарина, Д. С. (2015): Граница и фронтир как фактор развития региона. *История и современность*, 21(1). Retrieved from <https://www.socionauki.ru/journal/articles/265432/>
- Немцев, М. (2014, Июнь 27): Старые границы империй и Польша. *Журнал Михаила Немцева. Альбом критической антропологии*. Retrieved From <https://mnmemtsev.livejournal.com/524318.html>.

References

- Barth, F. (1969). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, Waveland Press
- Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge. (на русск.яз. отрывки опубл. в: Бхабха, Х. (2005). Местонахождение культуры. *Перекрестки*, (3-4), 161-192)

- Bossong, R., Gerst, D., Kerber, I., Klessmann, M., Krämer, H. & Ulrich, P. (2017). Complex Borders: Analytical problems and heuristics. In: Opilowska, E., Kurcz, Z., Roose, J. (ed.): *Advances in European Borderlands Studies*. Baden Baden: Nomos (pp. 65 – 84).
- Bowker, G. C. & Star, S. L. (1999). *Sorting Things Out. Classification and Its Consequences*. Cambridge/London: MIT Press.
- Brambilla, C., Laine, J., Scott, J.W. & Bocchi, G. (2015). *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*. Ashgate.
- Brodsky, A. (2018). Logic Lessons for Russia. The second scholasticism in Russia and Ukraine. *Rivista di Estetica*, 1 (67), 20–32.
- Chandler, A. (1988). *Comparing Frontiers: A Scout Report*. Magazine. Retrieved from <http://www.arthurchandler.com/comparing-frontiers>
- Dyullen, S. (2019). La frontiere epaisse. Aux origines des politiques sovietiques 1920-1940. Moscow: New Literary Observer (in Russian)
- Fèbvre, L. (1988). «Frontière» — Wort und Bedeutung. In: *Das Gewissen des Historikers*. Berlin: Klaus Wagenbach (pp. 27–38).
- Gerst, D., Klessmann, M., Krämer, H., Sienknecht, M. & Ulrich, P. (2018). Komplexe Grenzen. Aktuelle Perspektiven der Grenzforschung. *Berliner Debatte Initial*, 1 (18), 3-11.
- Hägerstrand, T. (1970). What about people in regional science? *Papers of the Regional Science Association*, 24 (1), 6–21.
- Hägerstrand, T. (1986). Om geografins kärnområde. *Svensk Geografisk Årsbok*, 62, 38- 43.
- Haselsberger, B. (2014): Decoding borders. Appreciating border impacts on space and people. *Planning Theory & Practice*, 15 (4), 505-526.
- Khodarkovsky, M. (1992). From Frontier to Empire: the Concept of the Frontier in Russia, 16th – 18th Centuries. *Russian History. The Frontier in Russian History*, 1–4 (19), 115–128.
- Koprivica, C. (2014). Negosh as a thinker of the Serbian situation and Serbian identity. In: *Nyegosh's works of Matica Srpska 2, monument on the bicentennial of Negosh's birth*. Novy Sad. (pp. 324-352). (in Serbian).
- Koprivica, C. (2019). The Syndrom of Deep Borderland's Identitites. Contributions for understanding of Krajina. *Journal of Frontier Studies*, 4.2. (in Russian)
- Lamont, M. & Molnar, V. (2002). The Study of Boundaries across the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, 28, 167-195.
- Lundén T. (2004). *On the boundary: about humans at the end of territory*. Huddinge: Södertörns högskola.

- Lundén, T. (2015): Society, proximity and education on the border. In: *Crossings and Crosses*. Walter de Gruyter. (pp. 171-190).
- Malinov, A. (2018). Discourse of Nature in Gregory Skovoroda's Teaching. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 33-48.
- Nemtsev, M. (2014 Jun. 27). Old borders of Empires and Poland. *Mikhail Nemtsev's Journal. Album of critical anthropology*. Retrieved from <https://mnemtsev.livejournal.com/524318.html>. (in Russian)
- Nikolayeva, Zh. & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 3-19.
- Nordman, D. (2002). La Frontière, In: *Dictionnaire critique de la République*. Paris: Flammarion. (pp. 499–504).
- Ovchinnikova, E. (2018). Ethics and Ideology in Russian Culture during the 18th and 19th centuries. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 49-68.
- Panarina, D.S. (2015). Border and frontier as a factor of regional development. *History and Contemporarity*, 21(1). Retrieved from <https://www.socionauki.ru/journal/articles/265432/>) (in Russian)
- Rajaram, P. K. & Grundy-Warr, C. (2007). *Borderscapes: Hidden Geographies and Politics at Territory's Edge*. University of Minnesota Press.
- Rohwedder, C. (2009, November 4). *Deep in the Forest, Bambi Remains the Cold War's Last Prisoner*. Retrieved from The Wall Street Journal <https://www.wsj.com/articles/SB125729481234926717>
- Sahlins, P. (1989). *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: University of California Press.
- Schatzki, T. (2002). *The Site of the Social. A Philosophical Exploration of the Constitution of Social Life and Change*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Schiffauer, W., Koch, J., Reckwitz, A., Schoor, K. & Krämer, H. (2018). *Borders in Motion: Durabilität, Permeabilität, Liminalität*. Working Paper Series B/ORDERS IN MOTION Nr. 1. Frankfurt (Oder): Viadrina. doi: 10.11584/B-ORDERS.1
- Schlögel, K. (2013). *Grenzland Europas. Unterwegs auf einem neuen Kontinent*. München: Carl Hanser Verlag.
- Soja, E. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell.
- Thrift Nigel J. (2005). Torsten Hägerstrand and social theory. *Progress in Human Geography*. June, 29 (3), 337–340.
- Troitskaya, A. (2018). Actualization and Deactualization in Art Studies. The Experience of the Institute of Art History. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 117-135.

- Troitskiy, S. (2018). The Problem of Terminological Precision in Studies on Cultural Exclusion Zones. *Rivista di Estetica*, 67 (LVIII), 165-180.
- Troitskiy, S., Begun, B., Voloshuk, E. & Chertenko, A. (2014). Strategies of studying zones of cultural exclusion. In: *Modern Studies of Russian Society*. Helsinki: Unigrafia. (pp. 79-94).
- Turner, F. J. (1921): *The Frontier In American History*, New York. (на русск.яз. опубли. в: Тёрнер Ф.Дж. (2009). *Фронтир в американской истории*. М.: Весь мир.
- Turner, V. W. (1969): *The Ritual Process: structure and anti-structure*. Harmondsworth / Middlesex: Penguin. (на русск.яз. опубли. в: Тэрнер В. (1983) Ритуальный процесс. Структура и антиструктура. В Тэрнер В. *Символ и ритуал* (В.А. Бейлиса пер). М.: Наука. (стр. 104-264))
- Vallaux, C. (1911). *Géographie sociale. Le sol et l'État*. Paris: O. Doin.
- Von Hirschhausen, B., Grandits, H., Kraft, C., Müller, D. & Serrier, T. (2015). *Phantomgrenzen. Räume und Akteure in der Zeit neu denken*. Göttingen: Wallstein.
- Zamyatina, N. Yu. (1988). The development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures. *Social Sciences and contemporarity*, 5, 75-89. (in Russian.)